

ЛИЧНОСТЬ К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА В ОБЩЕСТВЕННОМ И ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

K.P. Pobedonostsev's personality in the public and literary context of the turn of the XIXth – XXth centuries

The article discusses the phenomenon of the prominent statesman, thinker, and publicist K.P. Pobedonostsev. The author explores his relationship with the Russian intelligentsia, representatives of the conservative camp. The political views of Pobedonostsev and paradoxicality of his behavior as a politician and as a person are analyzed. Reasons for his ideological drama, which is fatality of his attempts to resist the general tendencies of life, are also revealed. The article substantiates the position that the motivation of Pobedonostsev's human and political strategy depended on the socio-historical and cultural context of the turn of the 19th – 20th centuries.

Keywords: personality, statesman, Russian intelligentsia, political views, human and political strategy, socio-historical and cultural context of the era

Среди видных деятелей России рубежа XIX–XX веков особое место занимает К.П. Победоносцев – фигура неоднозначная, противоречивая, загадочная и трагическая. Ученый-правовед, мыслитель, государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода, наставник и советник двух русских государей – Александра III и Николая II, талантливый литературный критик. Тем не менее трудно назвать имя другого государственного деятеля порубежного времени, кто бы снискал такую «абсолютную» нелюбовь, как Победоносцев. Какой бы области ни касалась деятельность этого человека, результаты его трудов всегда вызывали яростный протест современников и оценивались крайне негативно. В их восприятии Победоносцев был едва ли не самой одиозной личностью. Чего стоит только одно высказывание о нем В.О. Ключевского: «Презирал все,

и что любил, и что ненавидел, и добро, и зло, и народ, и себя самого»¹. Такой записью в своем дневнике отметил выдающийся историк извистие о кончине бывшего обер-прокурора.

Имя Победоносцева еще при жизни стало эпонимом консерватизма, бюрократизма, косности, словом, всего того, что препятствует всяким прогрессивным преобразованиям, к нему был прочно приклеен ярлык реакционера, душителя свободы, палача. Пожалуй, ничья другая знаковая личность этого времени не подвергалась такой мифологизации и демонизации, как личность Константина Петровича. Даже после своей отставки, замечает Б.Б. Глинский, он «продолжал оставаться все тем же несколько таинственным, с налетом драматизма, Победоносцевым, которому стоустная молва продолжала приписывать всяческие легенды, связывать с его именем всевозможные слухи, порою самые фантастические...»².

В революционных газетах начала века на Победоносцева печатались карикатуры, где он изображался в виде нетопыря с зелеными ушами. Хорошо известны и хрестоматийные строки Александра Блока, в которых поэт писал о «совиных крылах» Победоносцева, простертых над Россией, о его «колдовской силе».³ Эти строки, можно сказать, стали своеобразной визитной карточкой Победоносцева и на долгие годы определили его человеческую и политическую репутацию и неприглядную роль в истории России рубежа веков.

Долгое время считалось, что именно с него Ф.М. Достоевский писал своего Великого Инквизитора и что Победоносцев послужил прототипом Алексея Александровича Каренина, мужа Анны Карениной, хотя к моменту работы над романом *Анна Каренина* Л.Н. Толстой еще не был лично знаком с Константином Петровичем.

Если вдуматься в суть претензий, предъявляемых Победоносцеву русским обществом, то можно увидеть в них некую парадоксальность. Так, например, имея устойчивую репутацию обскуранта, Победоносцев создал систему приходского начального образования, открыв по всей России церковно-приходские школы для крестьянских детей, тем самым добившись того, что к началу XX века в России четверть населения была грамотной.

Следующий парадокс. Ярый поборник православия, человек глубоко религиозный, Победоносцев всячески препятствовал восстано-

---

¹ В. Ключевский, *Дневники и дневниковые записи*, в: *Сочинения в 9 т.*, Москва 1990, т. 9, с. 346.

² Б. Глинский, *Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии)*, в: К.П. Победоносцев: *Pro et contra*, Санкт-Петербург 1996, с. 387.

³ А. Блок, *Возмездие*, в: *Собрание сочинений*: В 8 т., Москва – Ленинград 1960, т. 3, с. 295-344.

влению канонических форм церковной жизни, порушенных еще реформами Петра I, а именно – созыву Поместного собора и избранию патриарха. Эмигрантский исследователь истории русского религиозного возрождения начала XX века Н.М. Зернов, характеризуя Победоносцева как человека «ясного ума и религиозной одаренности», считал «большим несчастьем» для русской Православной Церкви, что он в течение двадцати пяти лет занимал в ней «господствующее положение»⁴.

Но, пожалуй, более всего общественность ставила в вину Победоносцеву его настойчивые требования смертной казни «первомартовцев», убийц Александра II. В представлении многих занятая Победоносцевым позиция была абсолютно несовместима с его христианским мироотношением, ставила под сомнение искренность его религиозных убеждений, давала основание для обвинений его в фарисействе, политическом и человеческом цинизме.

Еще при жизни Победоносцева современники, причем, люди, хорошо его знавшие, видели в нем некую психологическую загадку. Вот выдержка из письма редактора газеты «Гражданин» князя В.П. Мещерского: «...у Вас где-то близко к горячему и доброму сердцу есть какой-то резервуар холодной воды, которого я боюсь до последней степени»⁵.

Сошлемся и на мнение Б.Б. Глинского, высказанное вскоре после смерти Победоносцева:

К его имени в течение слишком четверти века приковывалось внимание современников, оно не сходило со столбцов нашей печати, одни его ненавидели и проклинали, другие славословили, перед ним преклонялись и его благословляли; одни видели в нем ангела-спасителя России, другие – ее злого гения. Безразлично к нему никто не относился. Он был определенным историческим знаменем, которое рвали бури и непогоды, вокруг которого кипели страсти и борьба⁶.

Возможно, в словах Глинского содержится часть «разгадки» феномена грозного обер-прокурора Синода. Будучи убежденным консерватором, Победоносцев, в отличие от русских либералов времен Александра II, мечтающих о представительных органах, видел залог устойчивости общества, опору для его развития в том, что он называл «земляной силой инерции». В статье «Народное просвещение», включенной в «Московский сборник» 1896 г., он писал:

---

⁴ Н. Зернов, *Русское религиозное возрождение XX века*, Париж 1991, с. 80-81.

⁵ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. I. Полутом 2-й, Москва – Петроград 1923, с. 728.

⁶ Б. Глинский, *op. cit.*, с. 387.

Есть в человечестве натуральная, земляная сила инерции, имеющая великое значение, – писал он – Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории, – и сила эта столь необходима, что без нее поступательное движение вперед становится невозможно. [...] В пренебрежении или забвении этой силы – вот в чем главный порок новейшего прогресса⁷.

Его не устраивали изменения политического строя России на европейский манер, в европейском парламентаризме он усматривал «великую ложь нашего времени» и не сомневался, что любые попытки изменить политический строй государства по образу просвещенной Европы неизбежно обернутся кровавыми социальными катаклизмами и разрушением России.

Именно охранительными мотивами объясняется резкое нежелание Победоносцева проводить преобразования в церкви, в которую также проник либерально-оппозиционный дух времени. В служебном письме С.Ю. Витте

обер-прокурор жаловался на священников, «проповедующих идеи социализма и анархизма», на забастовавших семинаристов, на группу петербургских обновленцев, «агитаторов и возбудителей смуты», на митрополита Антония, который не сообщает имена этих священников⁸.

В такой ситуации, считал Победоносцев, церковные реформы будут преждевременными и опасными для общества.

Но «историческое знамя» Победоносцева, которое он крепко держал двумя руками, уже не соответствовало духу порубежного времени с его либеральными веяниями и радикалистскими настроениями. Именно с учетом общественно-исторического и культурного контекста нужно искать мотивацию человеческой и политической стратегии Победоносцева. С этих позиций попытаемся объяснить некоторые его «парадоксы».

В отличие от многих государственных деятелей порубежной эпохи, Победоносцев до конца своих дней оставался убежденным сторонником традиционных форм русской государственности, и, памятуя о печальной судьбе царя-реформатора Александра II, считал своим долгом пресекать любую попытку посягательств на государственные устои. Поэтому в отношении «первомартовцев» Победоносцев принимает меры, которые, согласно его твердому убеждению, были вполне

---

⁷ К. Победоносцев, *Московский сборник*, в: К.П. Победоносцев: *Pro et contra*, Санкт-Петербург 1996, с. 126.

⁸ Цит. по: П. Зырянов, *Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг.*, Москва 1984, с. 85 – 86.

адекватны тем угрозам, с которыми столкнулось государство. Убит был не просто человек, государственный деятель, убит был царь – фигура в православном представлении сакральная: «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры»⁹, несущий ответственность перед Богом за благосостояние своих подданных. Поэтому посягнувший на жизнь царя для него – святотатец, совершивший преступление и против государства, и против веры.

Но общественные настроения во многом определялись обращениями Владимира Соловьева и Льва Толстого к царю, где они призывали проявить милосердие по отношению к цареубийцам. Понятно, что требования обер-прокурора на этом фоне звучали для большей части русского общества кощунственно. Л. Толстой, обращаясь к Победоносцеву, просит обер-прокурора передать его письмо государю с просьбой о помиловании «первомартовцев». Победоносцев письмо не передал. Вместо этого он обращается к Александру III с такими словами:

Ваше императорское величество. [...] Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. [...] Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет – этого быть не может, чтобы Вы, перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили *убийц отца Вашего*, русского государя [...] Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы¹⁰.

Тем не менее Победоносцев был не только и не просто бюрократ, а человек, к которому *можно* было обратиться – и не только за содействием и помощью, а с целью воздействия на его чувства и разум. Исследователи неоднократно обращали внимание на тот факт, что к другому общественному деятелю такого масштаба, как Победоносцев, никому и в голову не пришло бы обратиться, например, к тому же В.К. Плеве. Разумеется, результаты таких обращений бывали разные, но тем не менее к Победоносцеву обращаются Л. Толстой, Вл. Соловьев, С. Рачинский, В. Розанов, в числе корреспондентов Константина Петровича были дочери Ф.И. Тютчева. В доме Победоносцева на Литейном проспекте побывали И. Аксаков, Вл. Соловьев, В. Розанов, Ф. Достоевский, П. Чайковский, М. Балакирев, И. Крамской и др.

Отдельного внимания заслуживают воспоминания В.В. Розанова, который неоднократно общался с Победоносцевым. Проницательный философ был одним из тех, кто «понял» грозного обер-прокурора,

⁹ *Свод законов Российской империи (неофициальное издание)*. Изд. 4-е, Санкт-Петербург 1904, т. 1, ч. 1, стб. 3.

¹⁰ *К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки*. Т. I, полтом I. Москва – Петроград 1923, с. 47–48.

разгадал его психологический феномен, который заключался в его тотальном одиночестве – среди чиновников, наделенных властью, своих оппонентов и апологетов. Неподдельным уважением, симпатией и сочувствием исполнены строки Розанова о Победоносцеве, написанные после его кончины:

Для всякого, кто имел малейшее к нему прикосновение, не может быть никакого сомнения, что его невозможно поставить и оставить в ряду действительно темных людей политики... [...] у тех был какой-то врожденный мундир, какая-то мундирность душеустройства, которая отталкивает от них человечество¹¹.

Что касается Победоносцева, считает Розанов, то «мундир на него был только надет, – притом со стороны»¹². Помимо этого, писатель отмечает:

Мне решительно и определенно известно, – замечает он, – что раззолоченную среду вокруг себя, эту нашу бюрократию, он всегда и нескрываемо презирал. С некоторыми министрами, тоже весьма богомольными, он не хотел иметь никакого дела, несмотря на все их заискивание...¹³.

Впечатления писателя Розанова о Победоносцеве во многом сходны с впечатлениями «сановного» человека – С.Ю. Витте, который не только хорошо знал обер-прокурора Синода, но и сотрудничал с ним в самые напряженные для России исторические моменты. Будучи политическим противником Победоносцева и его нещадным критиком, Витте, не мог не признать и несомненных его достоинств: «...мне было приятнее всего беседовать с Победоносцевым, гораздо приятнее, нежели со всеми остальными моими коллегами и другими государственными деятелями»¹⁴. И если Победоносцев «готов был на всякие стеснительные меры», то делал это, не в пример другим, только «по убеждению», подчеркивает Витте¹⁵. Исключительно скупой на комплименты в оценке деятельности своих современников, Витте после кончины своего политического антагониста, отозвался о нем следующим образом: «К. П. Победоносцев был редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности в благах мира сего»¹⁶.

---

¹¹ В. Розанов, *Письма к С.А. Рачинскому*, в: В. Томсинов, *Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества*. В 2-х томах, Москва 2007, т. 1, с. 387.

¹² *Ibidem*, с. 387.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ С. Витте, *Избранные воспоминания*, Москва 1991, с. 201.

¹⁵ *Ibidem*, с. 321.

¹⁶ С. Витте, *Воспоминания. Царствование Николая II*. В 2 т., Москва - Петроград 1923, т. 2, с. 355.

Семидесятые годы XIX века были отмечены в жизни Константина Петровича глубокой и трогательной дружбой с Ф.М. Достоевским, который, по его собственным словам, приезжал к нему «дух лечить»¹⁷, зная, что всегда услышит от него «живое и подкрепляющее слово».¹⁸ Двух великих людей связывали не только схожесть взглядов на политическое устройство России, но и общее чувство ответственности за судьбу страны. Достоевский ценил в Победоносцеве не только глубочайший ум, но и редкие человеческие качества. Подтверждение всему сказанному мы находим в его письмах:

...добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать – лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль: ну что будет с *Россией*, если мы, последние могики, умрем¹⁹?

На следующий день после смерти Достоевского Победоносцев обращается к своему воспитаннику – цесаревичу Александру Александровичу с письмом, в котором, называя почившего писателя своим «близким приятелем» и подчеркивая исключительное значение его произведений для России, просит «подкрепить» перед императором ходатайство о пенсии для детей и вдовы покойного: «Он был беден и ничего не оставил, кроме книг. Семейство его в нужде»²⁰. Еще через день вдове было вручено письменное извещение о назначении ей пожизненного пенсионера в 2000 рублей.

Отдельного разговора заслуживают воспоминания русской поэтессы Е.Ю. Кузьминой-Караваевой *Друг моего детства*, посвященные Победоносцеву, в которых она приоткрывает совершенно новые грани его личности. Еще ребенком, в конце 90-х годов XIX века, познакомилась она, тогда еще Лиза Пиленко, с «грозыным» обер-прокурором и на протяжении почти восьми лет считала его своим «самым настоящим другом». Для нее Победоносцев был тем человеком, у которого можно было найти понимание, духовную поддержку, мудрый совет. Письма к нему писались «в минуты всяческих детских неприятностей и огорчений», и в моменты душевной смуты она «смотрела на портрет, чтобы не ослабеть, не сдаться, не пожалеть, чтобы остаться верной моему другу...»²¹.

¹⁷ Ф. Достоевский, *Полное собрание сочинений*: В 30 т., Ленинград 1988, т. 30, кн. 1, с. 67.

¹⁸ *Ibidem*, с. 104.

¹⁹ *Ibidem*, с. 122.

²⁰ *Письма Победоносцева к Александру III*. В 2-х томах, Москва 1926, т. I, с. 311.

²¹ Мать Мария (Скобцова), *Друг моего детства*, в: *Воспоминания, статьи, очерки*. В 2 т., Париж 1992, т. 1, с. 19.

Революционный дух времени, захвативший Лизу подобно многим ее ровесникам, будоражил сознание при мысли стать спасителем всего человечества. Но «на пути всему этому стояло только одно, но огромное препятствие – Константин Петрович»²². Революция воспринималась как нечто направленное против Победоносцева, а увлеченность ею казалась Лизе «каким-то личным предательством» по отношению к «другу»:

И казалось невероятным, что, зная его столько лет, будучи с ним в самой настоящей дружбе, проглядела, не заметила того, что известно всему русскому народу. За то, что русский народ ошибался и я была права, говорила мне дружба с Константином Петровичем, возможность наблюдать его непосредственно. А против этого было то, что не может же весь русский народ ошибаться, а я одна только и знаю правду, и это сомнение было неразрешимо теоретически²³.

В поисках истины, за разрешением этого «неразрешимого теоретически» вопроса Лиза отправилась к самому Константину Петровичу, который, по ее твердому убеждению, только один мог бы ей помочь. Ответ Победоносцева оказался для нее неожиданным:

Милый мой друг Лизанька! Истина в любви, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему – не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, настоящего ближнего, находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела – не дела вовсе. И настоящие дела – ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, а в самопожертвовании, в скромности...²⁴.

Тогда Лиза не поняла Победоносцева, посчитав, что «экзамена он не выдержал». Да и само время, казалось бы, подсказывало ответ совершенно противоположного свойства.

Эта встреча, фактически разъединившая их духовно, была последней. Кузьмина-Караваева признается, что ко времени кончины Победоносцева она находилась в Петербурге, но на похороны не пошла. Ей было суждено прожить яркую, деятельную, полную событий, творческого труда и одновременно горьких потерь и тяжелых лишений жизнь. Здесь было и бурное участие в революции, избрание городским головой Анапы, назначение комиссаром по делам культуры и здравоохранения, и приговор к смертной казни белогвардейцами... Затем эмиграция, возвращение в православие, монашеский постриг

---

²² *Ibidem*, с. 20.

²³ *Ibidem*, с. 20-21.

²⁴ *Ibidem*, с. 22-23.

с именем Мария, забота о «настоящем ближнем» в приютах, больницах, богадельнях, спасение военнопленных, помощь участникам французского Сопротивления и мученическая смерть в концлагере Равенсбрюк: согласно преданию, она пошла в газовую камеру вместо приговоренной к сожжению женщины-еврейки.

Наставляя свою юную слушательницу, К.П. Победоносцев не мог догадываться, перед каким выбором поставит ее жизнь через три десятка лет: «...Настоящие дела – ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, а в самопожертвовании...»²⁵. Выбирая газовую камеру, монахиня Мария не могла рассчитывать на то, что ее поступок получит должную оценку в глазах современников или потомков, так что это был выбор по Победоносцеву, следование заветам того человека, который еще в юности открыл ей истину, состоящую в любви к «настоящему ближнему».

В одном из своих стихотворений Е.Ю. Кузьмина-Караваева написала: «Наше время еще не разгадано...». Подводя итоги разговора о Победоносцеве, можно сказать, что его личность тоже остается неразгаданной, не до конца понятой. Однозначно можно утверждать, что трагизм ситуации состоял в том, что Победоносцев стремился избежать того, что было неизбежным. И чем отчаяннее он сопротивлялся «новейшему прогрессу», тем очевиднее были наступление и победная поступь последнего. Но «подморозить Россию» ему не удалось, патриаршество было восстановлено, а Поместный Собор проходил в самое трагическое для России время – в дни Октябрьского переворота.

Настоящая трагедия К.П. Победоносцева, как нам представляется, состояла в обреченности его попыток противостоять общим тенденциям жизни. Отсюда его идейная драма, человеческая непонятность, тотальное одиночество. С другой стороны, заявленная и выдерживаемая в течение десятилетий позиция свидетельствовала о его удивительной цельности. Победоносцев не дрогнул под натиском всеобщей хулы, ненависти, оскорблений, проклятий, угроз, не искусился на уговоры одуматься, пока «еще не поздно», задуматься о своей посмертной репутации и «перемениться», к чему призывал его Вл. Соловьев²⁶.

Разговор о К.П. Победоносцеве – это, по словам академика А.М. Панченко, «история воскрешения ценностей прошлого»²⁷. И одна из

²⁵ *Ibidem*, с. 23.

²⁶ «...Одумайтесь, обратитесь к себе и помыслите об ответе перед Богом. Еще не поздно, еще Вы сможете перемениться для блага России и для собственной славы. Еще от Вас самих зависит то имя, которое Вы оставите в нашей истории», – писал в 1892 г. Владимир Соловьев К. П. Победоносцеву (*К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки*). Т. I. Полугом 2-й, Москва – Петроград 1923, с. 970.

²⁷ А. Панченко, «*Великие стили*»: терминология и оценка, в: *Русская литература и культура нового времени*, Санкт-Петербург 1994, с. 176.

таких ценностей – культура рубежа XIX–XX вв., называемая в русской гуманитаристике Серебряным веком. Наша задача вовсе не состоит в том, чтобы расставить все точки над *i*, не пытаться найти в культурных ценностях прошлого «свое», «близкое» нам», а прежде всего – процитируем еще раз А.М. Панченко – «научиться ценить и понимать далекое»²⁸.

ЛИТЕРАТУРА:

- Блок А., *Возмездие*, в: *Собрание сочинений*: В 8 т., Москва – Ленинград 1960.
- Витте С., *Воспоминания. Царствование Николая II*, в 2 т., Москва – Петроград 1923.
- Витте С., *Избранные воспоминания*. Москва 1991.
- Глинский Б., *Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии)*, в: *К. П. Победоносцев: Pro et contra*, Санкт-Петербург 1996.
- Достоевский Ф., *Полное собрание сочинений*: В 30 т., Ленинград 1988.
- Зернов Н., *Русское религиозное возрождение XX века*, Париж 1991.
- Зырянов П., *Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг.*, Москва 1984.
- Ключевский В., *Дневники и дневниковые записи*, в: *Сочинения: В 9 т.*, Москва 1990, т. 9, с. 346.
- К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки*, Т. I, полутом I и II, Москва – Петроград 1923.
- Мать Мария (Скобцова), *Друг моего детства*, в: *Воспоминания, статьи, очерки*. В 2 т., Париж 1992.
- Панченко А., «*Великие стили*»: терминология и оценка, в: *Русская литература и культура нового времени*, Санкт-Петербург 1994.
- Письма Победоносцева к Александру III*. В 2-х томах, Москва 1926.
- Победоносцев К., *Московский сборник*, в: *К. П. Победоносцев: Pro et contra*, Санкт-Петербург 1996.
- Розанов В., *Письма к С.А. Рачинскому*, в: В. Томсинов, *Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества*. В 2-х томах, Москва 2007.
- Свод законов Российской империи (неофициальное издание)*. Изд. 4-е, Санкт-Петербург 1904.

---

²⁸ *Ibidem*, с. 176.